

The background of the book cover is a photograph of a sunset or sunrise. The sky transitions from a deep blue at the top to a bright orange and yellow near the horizon. On the left side, the dark silhouette of a bare tree trunk and its branches is visible against the lighter sky. The overall mood is contemplative and serene.

Андрей Варвар

Мыслящие заметки

*Или субъективный
опыт отдельно взятой
личности*

Андрей Варвар
Мыслящие заметки.
Или субъективный опыт
отдельно взятой личности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38838495

ISBN 9785449360786

Аннотация

В дебютном сборнике миниатюр начинающего писателя Андрея Варвара представлен философски осмысленный и художественно выраженный субъективный опыт отдельно взятой личности. Книга предназначена только для избранных читателей, интересующихся философией жизни.

Содержание

Благодарность	5
Кнут	7
Почему я расточаю слова	9
Эстетический Герострат	11
21, или Что я понял до 21 года	13
Подслушанный диалог одинокого человека.	18
Часть 1	
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мыслящие заметки Или субъективный опыт отдельно взятой личности

Андрей Варвар

© Андрей Варвар, 2018

ISBN 978-5-4493-6078-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарность

Люди сами не заметили, как посредством меня написали то, что вы прочитаете ниже...

Посвящаю моей любимой маме.

Андрей Варвар, Михайлоанненка, июль-август 2018 г.

Кнут

Пролетают минуты, секунды, мгновенья...
Пролетарий? Иль Кнут, секущий столетья?
Что «Голодом» потчевал плод в чреве том,

Что том написало – увы! —
только в стол. П

ролетают минуты, секунды, столетья...
Пролетарий? Кнутом сечёт, дабы согреть. Я, Кнута
наследник, счёл за почтенье
Круто на след стать, на те же мученья.

Пролетают минуты, секунды, века...
Пролетарий? Кричит: «Товарищ, вы там?
Сечёте под корень секвойю иль как?» – Секунду, я вою
от «Голода»
Гамсуна. /Пролетарий во мне – о чудо! – распластанный/

Истории древо? Наследовать? – К чёрту!
Я
сам по себе, иначе – я мёртвый!

Почему я расточаю слова

Глядя в зеркало в течение дня, я обращаю внимание на своё поросшее кустарником угрюмое лицо – в этом колючем шиповнике в поисках плодов запуталась не одна райская птица, в конце концов улетевшая с окровавленными крыльями восвояси. Я гляжу на целый стог выющихся волос – их так много, что я иногда невольно ассоциирую себя с Самсоном, боящимся вместе с ними потерять и свою силу. Я окидываю взором себя с ног до головы и не могу поверить, что эта хмурая туча всё ещё способна нести саму себя среди людей, не расточая капельки-слова.

Тяжёлым, как камень, чувствую я себя; нечто невысказанное, отягощающее моё существование бродит со мной за руку, а мне бы хотелось быть лёгким, освобождённым, парящим, одним словом, – кружевным облаком, плывущим по безмятежному небу. Кто из грозовой, полной слов-капель тучи превратился в еле уловимое, бесформенное, творческое облачко, тому доступно это чувство лёгкости, даруемое освобождением от собственных слов.

Пусть они бурными потоками бегут по крышам, остаются каплями на листиках и, конечно же, уходят и впитываются почвой. Осознание того, что в этой почве однажды буду покоиться и я, что в моей бороде-кустарнике запутаются земляные черви, а не райские птицы; что всё сырое, грязное,

подземное совьёт гнездо на моей голове-одуванчике – всё это заставляет меня снова и снова коллекционировать слова-капельки, наполняться ими, чернеть, страдать от их тяжести, отбирать самые переливающиеся на солнце, а порой и совершать чудеса – отливать прохладные снежинки и, наконец, художественно орошать всё вокруг. Я пишу, чтобы стать хотя бы на мгновение счастливым; я пишу, чтобы перед лицом смерти утвердить естество Жизни.

Эстетический Герострат

На развалинах старого дома скапливается пылью эстетика декаданса, ушедшая эпоха досыпает в полуразрушенной кровати, а её умершие хозяева донашивают некогда новую, но теперь уже потрёпанную и покрывшуюся мхом обувь. Из окон тоскливо глядит продуваемое всеми ветрами одиночество, на чердаке шепчется ушедшее знание – это шелест страниц, которые прочитают теперь только земляные черви. В шкафу болтается, будто повешенная на рее времени, осуждённая им на смерть ветхая одежда, а в сердце художника жизни болтается тяжёлая надежда: когда-нибудь кто-нибудь вдохновится эстетикой смерти, чтобы на её руинах воздвигнуть эстетику жизни – картину, музыкальную композицию или, быть может, хотя бы четверостишие. Дождь обливает горькими слезами горящий дом и его поджигателя: в моё время вдохновляются эстетикой смерти, чтобы на её руинах воздвигнуть эстетику

смерти, – горящее, дымящееся, а вскоре втопанное в землю абсолютное Ничто.

21, или Что я понял до 21 года

- 1.
- 2.
- 3.

4. Когда я прыгаю через пропасти стрелок на часах, когда я без труда преодолеваю их, властвую над ними; когда я запираю себя в их пространство, становясь их слугой; когда я волен расточать часы только на своё благополучие, тогда я испытываю чувство «свободы часов» – это моя формула управлять временем.

5. Стремящейся к росту да искоренит любыми способами самое высокое дерево под солнцем – первая заповедь всего становящегося.

6. Любовь да будет сожжена на аутодафе, если её костёр осветит путь к высшим целям.

7. Лучший гость – молчащий гость; но разве он существует? Оригинальность пришедшего в мой дом: сохранить тишину, не проронить ни слова и уйти восояси. Но разве умеют гости удивлять?

8. Как усовершенствовать киноискусство? Необходимо изобрести совершеннейшее и, вероятно, абсолютно недостижимое для разума человека устройство – регистратор снов.

9. Более всего смерти боится тот, кому положено обес-

смертить себя своими деяниями.

10. Управляемый сон позволяет трусу примерить платье храбреца.

11. Чем больше город, тем больше обман. То, что было обманом в городе год назад, сейчас обман в деревне. Инкубатор обмана – так назвал бы я города.

12. Долгое общение человека с животным не делает животное человеком, но озверяет последнего. Истина коровника.

13. Когда двум не о чем говорить, они осуждают других. Почему бы в таком случае не молчать? Молчание – это искусство, а любое искусство трудно постигается. Почему бы тогда не удалиться им вовсе? Уединение – искусство более изящное и возвышенное, более требовательное к своей гордой персоне, нежели скромное и покладистое молчание. Если закон молчания – сохранение тишины, то правило уединения – сохранение себя незапятнанным липкой грязью осуждения, а это противоречит обезьянней природе человека: ставить себя выше других вопреки обстоятельствам и фактам – суть доминантности.

14. Чтобы ракета поднялась в космос, ей нужно отбросить ступени. Чтобы человек поднялся в космос, ему нужно отбросить людей.

15. О трёх дорогах. Я ковылял по дороге старого: движение моё было безопасно, но испытал я смертельную тоску, ибо рутину всё мне казалось. Я неуверенно ступал по до-

роге нового неокрепшего: как ночной странник пробирался сквозь темноту и всюду виделись мне призраки опасности, но испытывал я великую радость приключения. Я гордо шествовал по дороге нового свершённого: путь мой был почётен, лёгок и приятен. Но не успел я насладиться им, вновь он стал дорогой старого. Три дороги есть суть жизни; одна сменяется другой, но пусть же будут любимы они все.

16. Самоуверенность – сестра поражения, братом же ей доводится гнев. Беспросветная глупость – бабка его, а дед – излишек эгоизма. Велика семья неудавшегося, ибо оно охотнее всего плодится. А где же родители? Сыграли в ящик: поражению должно быть сиротой. Само же поражение – глупый, эгоистичный, самоуверенный, гневный ребёнок, летящий вниз с высокой горы: так учит Спарта. Разбившись о скалы мудрости, уверенности, доброты и здорового эгоизма, он оживает, превращаясь в победу. «Мама!» – вот первое слово на улыбающихся устах его. «Она приказала долго жить, – эхом раздаётся холодный и беспощадный голос истины, – ибо даже победа бывает несчастной».

17. Ценитель слёз. Людям не хватает искусства в обращении друг с другом, поэтому скорее заплачет человек, поражённый в самое сердце музыкой или художественным словом, нежели прольёт он слёзы горя, сокрушаясь о своём гневе на родных и близких. Искусство – большой ценитель слёз.

18. Человеколюбие исследователя жизни: ставить опыты не на других, а на себе.

19. Я видел истинное мужество у женщины и силу духа у той, которая, будучи смертельно больна, весело пела и добродушно улыбалась прохожим, а они сокрушались, горевали, проливая слёзы по двум причинам: красота искусства и собственная бесталанность и неумение. «Как?! У нас есть здоровье, мы полны сил и энергии, но где же несущаяся ввысь наша песня вдвое краше песни этой несчастной?» – удивлялись они в сердце своём и втайне завидовали. Прекраснее всего песня того, кто вдохновляется собственным горем, ибо оно наделено звонким голоском и вопит о себе за сотни вёрст. Одни, будучи больны, жалуются жужжащим звоном в ушах. Иные – растекаются соловьиными трелями по лесу. Вы всё ещё хотите самую красивую песнь? Так испытайте ужасное, не став жужжащей мухой!

20. Так говорило лицо фанатика. Однажды я слышал вопрос-восклицание с примесью гнева, ненависти и искреннего непонимания: как можно не читать одного великого поэта и писателя? Я же расслышал в этом литературном боевом кличе и призыве на эстетические баррикады следующее: как смеешь ты не любить, не преклоняться и не чтить то, что так дорого моим чувствам? Кто дал тебе право выбирать нечто отличное от вездесущего «все», «народ»? Читать лица фанатиков и разбираться в их сентиментах куда полезнее для собственного творчества, нежели разбирать объект их обожания.

21. Я видел людей, похожих на пчелиный рой: тысячи

пчёл составляли энергию их. Сколько мёда пользы принесли бы они, если бы попались в руки грамотного бортника и не отдавали своё жало врагам! Они, укушенные, вопили от боли, но вынимали жало. Пчела же падала замертво.

Подслушанный диалог одинокого человека. Часть 1

– Да-да, я вас прекрасно понимаю, ибо сам не раз такое испытывал. Например, вчера ночью, выйдя в сад, я пристально глядел на Луну (Insomnia, увы, заходит ко мне в гости), как будто стараясь найти в ней утешительное, а быть может, и смертельное зелье. Одиночество, понимаете, одиночество особого свойства не даёт мне покоя. Я хоть и человек женатый, имеющий дочь, которая настолько мне близка по духу, что как раз напоминает этот жёлтый диск, отражающий мой заботливо-отцовский солнечный свет, но я всё же сре-

ди нескончаемых домашних дел, шума и бытового общения чувствую себя брошенным, покинутым, забытым.

– Даже такой прославленный врач подвержен душевным болезням. Вы исцеляете людей, подбирая единственно верное лекарство в каждом конкретном случае, но при этом за долгие годы исследований собственного естества так и не нашли того, что могло бы вас вылечить от одиночества.

– Посвящая все свои силы служению другим, я утратил способность служить себе. Да и, как я уже сказал, это особое одиночество.

– В чём же заключается описание этой разновидности недуга? Мне, к примеру, знакомо одиночество, имеющее несколько болезненный привкус жгучей необходимости: оставаясь наедине с собой, я начинаю испытывать сильное желание заполнения пустоты, я будто бы вынесенная на берег рыба, жаждущая воды. Нет, я не хочу, чтобы вы подумали, будто я настолько ужасный, мерзкий человек, что противен самому себе; даже наоборот, я люблю себя, но, между нами говоря, у меня врождённая потребность в окружении и его одобрении, похвале; только благодаря этой встречной энергии, заключённой в эмоциях других, я способен находить в себе силы сочинять музыку.

– Вы творческий человек, господин композитор. На мой взгляд, на взгляд человека науки, человека, значительно отличающегося от вас и стоящего на стороне скупающей точности, а не вдохновенной приблизительности, такого рода

одиночество и его удовлетворение должны сопутствовать вам всю вашу жизнь; депривация общения обязана быть как можно более продолжительной, а её счастливое завершение – как можно более ярким. Эмоции, эмоции – вот ваше топливо, чтобы складывать ноты и улаживать нас, людей науки, вам нужны трагедии, более того, они – необходимое условие вашей профессии, как необходимое условие моей – правильная диагностика заболевания.

– Совершенно верно, Майто, я уже давно овладел этим искусством симуляции одиночества ради достижения необходимых состояний, благоприятствующих творчеству. Вы приятный в общении человек, я бы очень хотел вам помочь обуздать и вашу болезнь, научиться управлять ею и пользоваться в собственных интересах. Расскажите о ней подробнее.

– Доэ, знаете, я не мастер сказывать, хоть и произвожу иногда такое впечатление. Разве слова выражают хоть что-нибудь? Разве они не бессмысленны с точки зрения того, что мы действительно хотим сказать, что теплится в нашем охраняемом интеллектуальном огороде, что произрастает на миллионах мыслительных борозд? К чёрту слова. Здесь есть вагон-ресторан с музыкальным инструментом, которым вы так хорошо владеете, а у меня – странное предложение: исполните «Лунную сонату» Бетховена. Пусть моими устами говорит музыка! Но не просто сыграйте, а, исполняя, представляйте меня, человека науки, который с детства хотел играть на музыкальных инструментах, но судьба заставила иг-

рать его с инструментами врачебными; человека науки, который стал таковым по необходимости, нужде, неудачному стечению обстоятельств; человека науки, который разряжен в халат, а под ним бьётся останавливающееся, дряхлое сердце искусства...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.